
Святитель
Иоанн
Златоуст
Житейское море:
наставления
мирянам
Православное
слово
святоотеческая серия

Житейское море: наставления мирянам

Москва

а

артос медиа

2010

УДК 271.22-475.5
ББК 86.37
З-67

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(Рег.№ ИС 10-20-2057)

Серия «Православное слово»

Святитель Иоанн Златоуст
З-67 Житейское море: наставления мирянам / Свт. Иоанн Златоуст. – М. : Артос-Медиа, 2010. – 64 с.

ISBN 978-5-9946-0129-7

Святитель Иоанн Златоуст (347–407), архиепископ Константинопольский, всемирно почитается как великий учитель Церкви, выдающийся духовный писатель и неподкупный борец с язвами современного ему общества. В настоящей брошюре собраны некоторые, особенно яркие слова святителя о явлениях, с которыми каждый человек сталкивается в своей повседневной жизни – богатстве, праздниках, «бытовых» пороках, труде, милосердии, домашних заботах и многом ином.

УДК 271.22-475.5
ББК 86.37

ISBN 978-5-9946-0129-7

Предисловие

Святитель Иоанн Златоуст (347–407), архиепископ Константинопольский, всемирно почитается как великий учитель Церкви, яркий духовный писатель и неподкупный борец с язвами современного ему общества. Однако наибольшую известность он приобрел неустанной отеческой заботой о своей пастве и вдохновенными проповедями, в которых святитель Иоанн коснулся едва ли не всех сторон человеческой жизни. Несмотря на то, что поучения святителя Иоанна были записаны более полутора тысячелетий назад, они и поныне нисколько не утратили своей силы и ценности.

В этой брошюре собраны некоторые особенно яркие слова святителя о преодолении семи губительных страстей и о стяжении семи противоположных им основных добродетелей. Конечно, это очень немного по сравнению с общим объемом духовного наследия святителя Иоанна, которое составляет более двух десятков томов. Для того, чтобы упростить дальнейшее знакомство с творениями святителя, после каждого из приведенных отрывков указана точная ссылка, включающая название серии произведений, номер слова, главы или части, и номер абзаца. В скобках указан том и книга русского издания творений святителя (Иоанн Златоуст, свт. Творения: В 12 тт. СПб., 1896–1906).

Земная жизнь

Все в этой жизни – и радостное, и печальное, есть только путь; и то и другое одинаково проходит; ничего нет в ней твердого и постоянного, но, подобно всему в природе, и радости ее и горе являются и исчезают. Как странники или путешественники, идут ли луговой поляной, или дикими пропастями, ни там не закрепляют себе навек радости, ни отсюда не выносят на всю жизнь печали, потому что они странники, а не местные жители, они только проходят через то и через другое и стремятся к своему отечеству, – так прошу и вас ни светлой стороной настоящей жизни не увлекаться, ни в горестях ее не погружаться с головой, а смотреть всегда на то только, каким бы образом с полным дерзновением явиться в общее всем нам отечество.

Письма, 92 («К Халкидии») (т. 3, кн. 2)

Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы.

К Феодору падшему, 1.13 (т. 1, кн. 1)

Бог создал два века, один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один доставляющий телесное успокоение, другой – не телесное (душевное), один на опыте, другой в надеждах, одному повелел быть поприщем, другому – местом награды, первому в удел назначил борьбу, труды и подвиги, второму – венцы, награды и воздаяния, один сделал морем, другой пристанью, один – кратким, другой – нестареющим и бесконечным.

Беседы, 31.3 (т. 3, кн. 1)

Блага века сего

Не будем считать блаженными тех, которые живут роскошно, но будем помыш-

лять о кончине их: здесь плотяность и тучность, а там червь и огонь; также и хищников не будем считать блаженными, но смотреть, какова их кончина: здесь заботы и труды, а там неразрешимые узы и тьма кромешная; также – и любящих славу, но смотреть какова их кончина: здесь раболебство и притворство, а там великое страдание и постоянное горение в огне. Если мы таким образом будем рассуждать с самими собою и непрестанно повторять это и тому подобное при наших порочных пожеланиях, то скоро будем избегать пороков и исполнять добродетели, погасим любовь к благам настоящим и воспламеним любовь к благам будущим. И действительно, что в настоящих благах есть прочного, или необыкновенного и дивного, чтобы посвящать им все свои заботы?

О совершенной любви, 5 (т. 6, кн. 2)

Чтобы усилить в нас любовь к благам духовным, Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя. В самом деле, не тогда, как скончается обладатель их, не тогда только и они кончаются, напротив, вянут и умирают еще при жизни его, чтобы скоротечность их отвела от этой страшной заразы и самых страстных и безумных искателей их, открывая природу этих благ и научая опытом, что они бессильнее тени, и чрез это искореняя в людях саму любовь к ним. Например: богатство не только исчезает с кончиною богатого, но даже

оставляет его и при жизни; молодость убегает от обладающего ею, не только тогда, когда он скончается, но и когда еще дышит: она кончается на пути зрелого возраста и уступает старости. Равно и красота и благообразие, еще при жизни женщины, кончается и переходит в безобразие; слава и могущество – тоже; почести и власть – однодневны и кратковременны, умирают скорее людей, обладающих ими; словом, мы видим, что и вещи (т.е. земные блага) ежедневно гибнут так же, как и тела (человеческие). А это для того, чтобы мы, пренебрегая настоящим, прилеплялись к будущему, и искали наслаждения в последнем, чтобы, ходя по земле, сердцем жили на небесах.

Беседы, 31.3 (т. 3, кн. 1)

Богатство

Если ты богат, – подумай, что отдашь отчет, на блуднице истратил ты деньги, или на бедных; на тунеядцев и льстецов, или на нуждающихся; на распутство, или на человеколюбие; на удовольствие, лакомство и пьянство, или на вспоможение несчастным? И не в одной только трате потребуют у тебя отчета, но и в приобретении имущества: праведными ли трудами собрал ты его, или хищением и лихоимством; получив ли родительское наследство, или разоривши домы сирот и расхитивши

имущества вдовиц? Как мы у своих слуг требуем отчета, не только в расходе денег, но и в приходе, допрашивая, откуда и от кого, и как, и сколько получили они денег, – так и Бог требует от нас отчета не только в употреблении, но и в приобретении.

На притчу о должнике, 4 (т. 3, кн. 1)

Презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, тебе иметь двоякую пользу, – уготованную тебе награду за прекрасную трату, и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом, чтобы мы употребляли его на нужное, а не зарывали бы; для того оно называется стяжанием, чтобы мы владели им, а не были его владением. Ты – господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поелику обладание ими непрочно и часто они улетают от нас быстрее всякой птицы и убегают неблагодарнее всякого беглого раба, то, пока мы владыки над ними, будем пользоваться ими на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на не-

бесах сокровище, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

Беседа о мучениках, 4 (т. 2, кн. 2)

А почему, скажи мне, вожделенно богатство? О нем надо мне начать речь, потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра; и сушу, и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все – как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтоб быть плененными. Каждый может видеть, как все, и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, каждый по своим силам, день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкновенно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всею вселенной, и бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объем лет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души;

не смотрят ни на дружбу, ни на родство, – что я говорю: дружбу и родство, – даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей; но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно, она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались ей в рабство.

Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может, 6 (т. 3, кн. 1)

Деньги

Станем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облечённого в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько – от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, – и вот он живёт жизнью, которая несноснее самой смерти. О чём, человек, скорбишь ты? О чём плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней обузы?

На послание к евреям, 20.2 (т. 12, кн. 1)

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что, кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими; если бы можно было и удержать их и предаваться удовольствиям, то он, конечно, пожелал бы этого. Кто употребляет деньги, на что следует, тот великодушен; поистине та душа велика, которая и не раболепствует страсти и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; весьма бережливым был бы тот, кто употреблял бы деньги, на что следует, а не просто без разбора. Скупость же – не то же самое. Тот (бережливый) издерживает все на нужное, а этот (скупой) и при самой настоятельной нужде не касается своего имущества. Бережливый – брат великодушного. Таким образом, поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым; последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым – не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфи-

ру и виссон? Но он не был великодушен, потому что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений; а такая душа может ли быть великою? Великодушен был Авраам, который употреблял свое имущество на принятие странников, закалал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей. Итак, если мы видим, что кто-нибудь приготовляет роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным. Смотри, в самом деле, скольким сам он служит и раболепствует страстям, – чревоугодию, безмерному сластолюбию, самоуслаждению; а кто одержим столь многими страстями и не может освободиться ни от одной из них, того можно ли назвать великодушным? Следовательно, тогда в особенности и надобно назвать его малодушным, когда он много тратит; чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей; если бы они не столько имели над ним силы, то он не столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезою не роскошною, того мы должны назвать весьма великодушным; поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о спокойствии других.

На Деяния Апостольские, 48.3 (т. 9, кн. 1)

Власть

Не говори мне, что такой-то восседает на колеснице, высоко поднимает брови и окружен толпою телохранителей; не говори ни об его поясе, ни о крике глашатая. Нет, покажи мне отличие начальника не в этом, но в его состоянии по душе, то есть, управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги сердца, например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытную любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли сильною страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого-то покажи мне начальника; вот это – власть. Но если он, управляя людьми, сам раболепствует страстям, о таком я скажу, что это раб более всех людей. У кого внутри гнездится горячка, о том, хоть внешний вид тела и нисколько не показывает этой болезни, врачи однако, наверное, говорят, что он одержим сильною горячкой, тогда как простые люди этого не знают. Так и я о человеке, у которого душа в рабстве и в плену у страстей, не смотря на то, что внешний вид его ничего такого не показывает, а показывает противное, скажу, что он – более всех раб, потому что в нем глубоко гнездится греховная горячка, и насильственная власть страстей утвердилась в самой душе. А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями, и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и бесславия, и прочих тягостей на-

стоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей.

Такая власть не покупается за деньги, и не имеет завистников; ее не знают ни язык злоречивого, ни глаз зложелателя, ни ухищрения коварных; нет, живя как бы в неприступном убежище любомудрия, она всегда остается неодолимою, и не уступает не только другим обстоятельствам, но и самой смерти.

Это доказывают мученики: тела их разрушились и обратились в прах и пыль, но власть каждый день живет и действует, – прогоняет демонов, искореняет недуги, возбуждает целые города и ведет сюда (в церковь) народ.

Беседы, 31.1–2 (т. 3, кн. 1)

Друзья

Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными, и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткою сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душою от общения с людьми порочными. Поэтому и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: «Если же, – говорит Он, правый глаз

твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф. 5.29), разумея в этой заповеди не глаз, – так как что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? – но друзей, близких к нам, сделавшихся как бы нашими членами и вредящих нам, повелевая не дорожить их дружбою, чтобы безопаснее соделывать собственное спасение. Поэтому и сам пророк далее говорит: «не сидел я с людьми лживыми, и с коварными не пойду» (Пс. 25.4). И Иеремия ублажает того, кто «сидит уединенно и несет иго в юности своей» (Плач. 3.27–28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не только уклоняться, но и бежать от людей советующих злое, и не обращаться с ними. В самом деле, если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому, то не тем ли более существа свободные? Цвет и здоровье тела принадлежат нам от природы, но случается, что и они портятся от постороннего, противного им влияния; также аппетита – от природы, но и он часто теряется у нас от болезненного состояния; можно видеть и много других подобных случаев. Если же изменяются естественные отправления, то зависящие от свободного произволения – тем более, чем более они способны ко всякой перемене. Поэтому не будем считать маловажным вредом общение с дурными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, или кто бы то ни был. Оно губило и вели-

ких мужей, каковы Соломон и Сампсон; оно развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно, не столько причиняют вреда дикие звери, сколько порочные люди; те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели. Потому и бесстыдный взгляд запрещается Господом: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5.28): так легко и скоро сообщается зло! А ты когда намереваешься поселиться в городе, то много стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он; когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех, которые имеют войти в общение с нею, но просто и без разбора вверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презрение? Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь убегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом, ты достигнешь большей безопасности, чем обитающие в пустынях, – не одним удалением от людей вредных, но и общением с полезными. Если ты будешь убегать людей порочных и следовать добродетельным, то

приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные.

На псалом 4, 13 (т. 3, кн. 1)

Праздники

Для христиан всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын Божий соделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в царствие. Получив и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: «Радуйтесь всегда в Господе»; радуйтесь, «и еще говорю: радуйтесь» (Флп. 4.4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. «Царство Небесное, – говорит Господь, – подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего» (Мф. 22.2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестием, то

подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак.

На 1-е послание к коринфянам, 15.3 (т. 10, кн. 1)

Музыка

От мирских песен может произойти вред, погибель, и много других зол, потому что все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение, и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни...

Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там пребывают пчелы, так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу.

На псалом 41, 1–2 (т. 5, кн. 1)

Красота

Есть душа, есть тело, – две сущности: есть красота телесная, и есть красота душевная. Что такое красота телесная? Густые бро-

ви, веселый взгляд, румяные щеки, розовые губы, высокая шея, волнистые волосы, длинные пальцы, стройный рост, цветущая белизна. Эта телесная красота бывает от природы или от воли? Известно, что от природы. Послушай мнений философов: эта красота, красота лица, глаз, волос, чела, бывает от природы или от воли? Очевидно, что от природы. Безобразная, хотя бы употребляла бесчисленное количество украшений, не может сделаться красивою по телу, потому, что природные свойства постоянны, определены, неизменны. Красивая всегда остается красивою, хотя бы и не употребляла никакого украшения, а безобразная не может сделать себя красивою, равно как красивая – безобразною. Почему? Потому, что эти свойства от природы. Видишь ли телесную красоту? Обратимся внутрь души: пред нею тело – раба пред госпожой. Обратимся же к душе. Посмотри на эту красоту, или – лучше – послушай о ней, потому, что ты не можешь видеть ее, – она невидима. Послушай же об этой красоте. Итак, что такое красота душевная? Целомудрие, скромность, милосердие, любовь, дружелюбие, доброжелательство, повиновение Богу, исполнение закона, правда, сокрушение сердца. Это – красоты души. Они – не от природы, а от воли. Не имеющий их может приобрести, а имеющий, если будет нерадив, теряет их. Как о теле я говорил, что безобразная не может сделаться кра-

сивою, так о душе скажу противное: безобразная душа может сделаться благообразною.

О Евтропии, 2.17 (т. 3, кн. 2)

Зрелища

Не пленяйтесь беспорядочными зрелищами, не оскверняйте своих мыслей чуждыми песнями. Ты можешь обуздать свои мысли, хотя бы привычка и увлекала тебя в ту сторону. Ты не раб, а свободный, и не насильно берут тебя в плен и порабощают, но ты сам по своей воле продаешь себя греху.

На слова апостола: «Не то делаю, что хочу» (Рим. 7.15), 1 (т. 8, кн. 2)

Люди не могут дождаться дня, сгорая от нетерпения, и еще ночью захватывают места тьмы, чтобы непристойными зрелищами усладить взоры, или посмотреть на схватки борцов с дикими зверями. И сидя там, нередко зрители – люди выражают больше расположения к зверям, чем к подобным себе людям. Неужели тебе не жалко того несчастного, который из-за куска хлеба добровольно отдает себя на съедение зверям и в угоду ненасытимой страсти насыщает собой утробы зве-

рей. Но у него желудок ненасытен, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходит шутом, на позор себе самому производит ужимки, за плату выдает себя с головой на смех, не стыдится даже, если его бьют публично, сам подставляет щеки под удары, волосы сбривает бритвой, чтобы ни один волос не свидетельствовал против его бесстыдства. Иной посвящает себя похотливым женским пляскам, вопреки природе и с досадой на то, что родился у своих родителей не женщиной, и таким извращением природы даже гордится. Чего только не делают люди ради своего чрева и корысти и из-за тщеславия позорными делами; о таких прилично привести свидетельство Павла: «Их бог – чрево, и слава их – в сраме» (Фил. 3.19). Не ходите же туда, не спешите делать шаги в том направлении, да и на своих пирах не допускайте непристойных увеселений.

О блудном сыне, 2 (т. 8, кн. 2)

Одежда

Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыд наготы, не для того, чтобы мы облекались в то, что может посрамить нас хуже наготы. Посему и Бог одел Адама и жену его в ко-

жаные одежды (ср. Быт. 3.21), хотя Он мог бы, если бы хотел, одеть их в прекрасные одежды; но Он издревле и чрез это внушает нам, что теперь время не роскоши, а воздыхания и сокрушения. Если же самая нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? Не достаточным ли доказательством нашего падения служит самая нужда в одеянии? Для чего же ты делаешь это унижение еще большим? Для чего увеличиваешь осуждение, умножая эту нужду? Следовало бы плакать и воздыхать, и изнурять самое тело, по учению Павла (ср. 1 Кор. 9.27); а мы стараемся украшать покровы его, подобно тому, как если бы кто, имея опухоль на глазу и быв поставлен в необходимость покрывать ее, стал еще украшать эти покрывала. Посему Илия и Иоанн имели простое одеяние, облекаясь в кожаные хитоны и волосяные одежды; ибо они старались и стремились получить одежду нетления. А ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностию одежд, прельщая ими рассеянных юношей. Не такого украшения и убранства твоего желает Жених, но Он заповедовал, чтобы все прославление Его было в душе твоей; а ты, пренебрегая этим, разнообразно украшаешь грязь и пепел и привлекаешь невоздержных любителей и, так сказать, делаешь прелюбодеями всех, взирающих на тебя.

К девственницам, 7 (т. 1, кн. 1)

Отдых

Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы могло потом с живой ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей; но иногда делать одно, а иногда другое, и, таким образом, управлять и состоянием души, и вожделениями плоти. Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает, как всякому известно, и с душой и с телом. Поэтому мера во всем – прекрасное дело. Этому-то научает нас Бог всячески и самыми творениями, которые Он создал для нашего существования. Чтобы в этом увериться вам, возьмем в рассмотрение день и ночь, то есть свет и мрак. Назначив человеку день для делания, а мрак ночи для успокоения и отдохновения от трудов, Бог обоим им положил меру и пределы, чтобы все мы могли получать от них пользу.

На Книгу Бытия, 11.1 (т. 4, кн. 1)

Пища

Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка, и не будем так угождать

чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы; но, размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения, станем укрощать движения плоти, не поленимся и не попустим ей восставать на душу.

На Книгу Бытия, 22.7 (т. 4, кн. 1)

Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться: и затем умеренно наполняй чрево, чтобы, обременивши себя, не сделаться бессильным преклонить колено и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу; не будешь ли ты хуже и самых ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать; ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных.

...Приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от на-

чала. А мы, как будто для ядения пришли в мир, все проживаем на это, всю жизнь тратим на это.

О Лазаре, 1.8–9 (т. 1, кн. 2)

Пьянство

Не вино худо, но злоупотребление им. А что не от вина происходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и что происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность, это показывает тебе Писание, когда говорит о начале употребления вина уже после потопа, дабы ты знал, что природа человеческая еще прежде употребления вина, дошла до крайнего развращения, и совершила великое множество грехов, когда еще и вино не было известно. Итак, видя употребление вина, не вину приписывай все зло, но воле, развращенной и уклонившейся к нечестию. С другой стороны, помысли, человек, и о том, на какое употребление сделалось полезным вино, и вострепещи. При его помощи совершается благодатное таинство нашего спасения... Дурное, возлюбленный, дурное дело пьянство; оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем оно делает как бы мертвым и бездейственным и заставляет лежать, как бы связанного какими неразрешимыми узами; или лучше сказать, – делает его хуже и мертвого. В самом

деле, последний бывает равно бездейственен и по отношению к добру и по отношению к злу, а первый по отношению к добру бездейственен, но по отношению к злу более прежнего деятелен, и становится предметом посмеяния для всех – для жены, для детей и для самих рабов. Друзья, видя унижение его, закрываются и стыдятся, а враги радуются, смеются и ругаются над ним, как бы так говоря: неужели он достоин дышать воздухом? Называют его скотиною, нечистым животным, и другими еще презреннейшими именами...

Предающиеся пьянству никогда не чувствуют сытости, но чем более вливают в себя вина, тем более разжигаются жаждою, так что употребление вина служит у них к увеличению жажды, и, хотя чувство удовольствия в них уже пропадает, но жажда к (вину), сделавшись неутолимою, повергает в самую бездну опьянения этих пленников пьянства.

...Пьянство есть своевольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность. Видя бесноватого, мы часто жалеем о нем, соболезнуем и обнаруживаем к нему глубокое сострадание; но при виде пьяного поступаем напротив: негодуем, сердимся, произносим тысячу укоризн. Почему и за что? Потому, что одержимый злым демоном, что ни делает, делает невольно: бьется ли он, рвет ли одежду, или произносит какие-либо срамные слова, все это ему прощается; но пьяный, что ни сделает, ни в чем не заслуживает извинения, напро-

тив – и домашние, и друзья, и соседи, и все строго осуждают его, потому что он сам по своей воле дошел до этого несчастного положения, сам предал себя во власть пьянству.

На Книгу Бытия, 29.3–5 (т. 4, кн. 1)

Суеверие

Диавол, зная это и стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастливые, тот в несчастливый день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его нерадение нисколько не повредит ему, по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другом случае будет терять свое спасение, и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет провождать жизнь недеятельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней дьявола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы ввергнуть нас в нерадение, но что-

бы и оклеветать и создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого, и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем.

Слова, 30 («На новый год»).2 (т. 1, кн. 2)

Утрата имущества

Если и в отношении к грехам, где скорбь единственно полезна, неумеренность причиняет великий вред, то тем более в остальном. О чем же скорбишь ты? О том ли, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им.

Скажи с Иовом: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать» (Иов 2.10)? Вместе с тем размысли и о том, что, хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово, и при бедности ты еще не страдаешь расстройством тела. Или тело твое также потерпело расстройство? И это не край бедствий человече-

ских, но еще ты находишься пока в середине их; многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях; иные же терпят другие тягостнейшие (бедствия). Не дай Бог нам терпеть все, что возможно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие (бедствия), и не скорби ни о чем подобном; когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротив – требую; впрочем и тогда – с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от того неприятности; равно и в бедности принимай в соображение не только нищету, но и происходящие от нее приятности.

Богатство имеет только наружность светлую, внутри же исполнено мрака; а бедность напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же он боится другого, – в этом отношении он не имеет никакого преимущества перед тобой. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о дне, когда все переменится, и еще прежде того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессон-

ницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знают любомудрия; если бы ты знал его, то мы могли бы утешить тебя другими высшими побуждениями; но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и сколько людей засыпают голодными, теряют отцовские имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рожает печали, ни богатство – удовольствия; но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим.

Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, повидимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем, – о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом, – о том, что не многими народами; когда многими народами, – о том, что не всеми; когда сделается главным прави-

телем, станет опять скорбеть, что он не царь; если сделается царем, – о том, что он не один; если будет один, – о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной, – о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом замыслы его, простираясь в бесконечность, никогда не дозволят ему быть довольным.

Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостяжанию? Теперь изображу тебе противное и покажу, что благоразумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания; он нисколько не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно честь свойственную власти; если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве; если лишишь его и этого (богатства), он будет смотреть на тех, которые имеют немного; если отнимешь и немногое и оставишь ему только самое необходимое для пропитания, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но непрестанно терпят голод и живут в темнице; если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержи-

мых неисцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями, и найдет, что сам он в гораздо лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очисткой мусора, даже сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие, и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты, что на чем бы они ни остановились, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и добреет; а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, – так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме и в неизреченных почестях не могут хорошо себя чувствовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Потому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только свойственное любомудрым и превышающее понятия многих. Какое же? То, что и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестье ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные, и отсюда получать утешение. Но многие, как я сказал, весьма далеки от такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановить-

ся на вышесказанных мыслях, чтобы тех, которые примут их, постепенно возвести и к высшим.

Итак, представляя все это, будем всячески благоустроять себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей; на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности; первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний иногда, не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Потому, помышляя о всем этом, будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с удовольствием, и сподобиться будущих благ.

На 1-е послание к коринфянам, 38.6–7 (т. 10, кн. 1)

Болезни

Для стяжания славы нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях. Подлинно, эта добродетель – царица благ по преимуществу и вершина венцов; и подобно тому как оно царствует над остальными добродетелями, так точно и в нем самом в особенности этот вид бли-

стательнее прочих... Ни потеря имущества, даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имел, ни лишение чести, ни изгнание из отечества и отведение в чужую страну, ни мучение трудом и работой, ни жизнь в темнице, ни пребывание в узах, ни порицания, бранные речи и насмешки, – не сочти, в самом деле, мужественного перенесения всего этого даже и за малый вид терпения; а что это так, показывает Иеремия, столь великий и славный муж, который не мало был смущен этим искушением (Иер. 15), – но продолжаю: ни это все, ни потеря детей, даже если бы они были похищены все разом, ни непрерывно наступающие враги, никакое другое подобного рода бедствие, даже и самая вершина того, что считается печальным – смерть, до такой степени страшная и ужасная, не так тяжела, как телесный недуг... Чем больше усиливаются мучения, тем больше увеличиваются и венцы; чем больше обжигают золото, тем чище оно становится; чем обширнейшее море переплывает купец, тем больше собирает он товаров... Для тех, кто благородно переносит что-нибудь, это, действительно, столь великое благо, что Бог, если найдет кого согрешившим весьма тяжко, освобождает от тяжелого бремени грехов; а если найдет украшенною добродетелями и праведного, то и для того делается прибавка не малого, но даже и очень великого дерзновения перед Ним. Так страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших...

Итак, не желай теперь смерти и не пренебрегай заботами о своем теле, потому что и это не безопасно. Потому и Павел советует Тимофею тщательно заботиться о себе.

К Олимпиаде, 4.2–4 (т. 3, кн. 2)

Несчастья

Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнуть того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от невоздержности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом, о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, в самом прискорбном положении, совершают множество преступлений, не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несча-

стия не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Посему, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, – а часто они оканчивают там жизнь, – когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками для устрашения прочих; так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев, и чрез это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал, учение о воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастиях и умерли прежде нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастия, и не умеют

ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастиями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю.

К Стагирию, 1.8 (т. 1, кн. 1)

Обиды

Ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех, и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие вен-

цы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил тебя. Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единородный Сын Его, Который потому и сказал: «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его» (Мф. 10.25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф. 5.45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же, облагодетель-

ствовал их; посмотри на Моисея, который, после бесчисленных против него злоумышлений иудеев, молился за них; посмотри на блаженного Павла, который, не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам.

На Евангелие от Матфея, 61.5. (т. 7, кн. 2)

Враги

Какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь другому воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя; но для чего сам подпадаешь обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, – желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе. Не довольно нам других душевных тревог, возбуждающихся без всякой причины, как-то: неуместных пожеланий, огорчений, сетований и тому подобного; надобно еще умножить их

новыми. Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? А как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или (делают) шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорбляться, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от слабости; и точно это происходит от слабости: когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпел тысячи оскорблений, имеет желание удержаться. Если мы будем представлять только это, т.е. что это происходит от слабости, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же. После этого я спрошу всех вас присутствующих: можете ли вы, если захотите, быть так любомудрыми, чтобы терпеть оскорбления? Думаю, что скажете: да. Так, оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как он (беснующийся) подвергается этому не столько от вражды, сколько от слабости, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Почему, в самом деле, мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также; когда оскорбляющее или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех

случаях, т.е. от друзей, от беснующихся и от высших переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем более кто оскорбляет, тем более он слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит; тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает напротив, то нужно даже радоваться; тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те (борцы): не все ведь равно – низвергнуть противоборствующего врага, или притупить стрелы гнева. Ты победил не схватываясь с противником, низложил возбуждавшуюся в тебе страсть, умертвив свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу. Так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы.

На Деяния Апостольские, 50.3 (т. 9, кн. 1)

Месть

Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т. е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого; и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему.

Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может, 10 (т. 3, кн. 1)

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе; а нам приносят величайшую пользу, если мы не мстим за себя. Положим, например, такой-то ограбил, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Чрез это благодарение ты приобрел

себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что же, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? – то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, так как, очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием – мстит обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. «Молитесь, – сказано, – за обижающих вас... да будете сынами Отца вашего Небесного» (Мф. 5.44). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным, – благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал хотевшему предать Его благодеяниями, именно: умыл ноги, обличал тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, и хотя Иуда и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать Свое.

На Евангелие от Иоанна, 71.3 (т. 8, кн. 2)

Милосердие

Он (Господь) соделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем, здесь напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хо-

чешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

Ужели ты почитаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам, и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать чашу крови? Но я на это не смотрю строго, – говорит Христос, – а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питие; представь – и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, не хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждою спасения, и облек сам; и ты сделай то же, хотя чрез раба. Он прославил тебя на небесах; а ты, по крайней мере, защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожительства с ангелами; а ты прими Его только под кров твой, – по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, – говорит Христос, – хотя сам Я отверз для тебя целое небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь

на Меня внимание, когда Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых, – и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас, не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный дьяволу и ангелам его. Скажи мне: какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для небесного царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая в заем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей стороны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию.

На Евангелие от Матфея, 45.2–3 (т. 7, кн. 2)

Труд

Какое из добрых дел, скажи мне, не трудно? Да в том-то, скажешь ты, и затруднение большое, что с пороком сопряжено удовольствие, а с добродетелью труд. Я думаю, многие на это ищут объяснения. Какая же тому причина? Вначале Бог даровал нам жизнь, свободную от заботы и чуждую трудов; но мы не воспользовались, как должно этим даром, а развратились по нерадению и лишились рая. Тогда-то Бог соделал уже жизнь нашу многотрудной, и, в оправдание свое перед родом человеческим, как бы так говорит: Я даровал вам сначала наслаждения; но вы от своеволия сделались худшими; поэтому Я определил наложить на вас труды и пот. Когда же и труды не обуздали нас, Он дал закон, содержащий в себе заповеди, наложив на нас, как на коней неукротимых, узды и путы, чтобы удержать порывы, как делают укротители коней. Вот почему жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может бездействовать, а иначе легко преклоняется к злу. Положим, например, что человеку целомудренному, или отличающемуся какою-либо другой добродетелью, не нужны были бы никакие подвиги, а он бы и спал и, однако же, во всем успевал: к чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? Да для чего же, говоришь ты, со злом сопряжено великое удовольствие, а с добродете-

лью великий труд и тягость? Но какая же была бы тебе и благодать, или за что же бы ты получил награду, если бы это было дело не трудное? Я и теперь могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от общения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними; но скажи мне, называть ли их за то целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Никак. Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей борьбой. Так и на войне, чем сильнее битва, тем блистательнее тогда бывает и торжество, а не тогда, когда никто и рук не поднимает... А почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда? Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево. Что это слова лености, вот – суди: если бы где-нибудь были властитель и военачальник, и властитель бы спал или пиршествовал, а военачальник с великими трудами одерживал бы победы: кому из них ты вменил бы славу? Кому принадлежал бы плод радостных событий? Видишь, что душа более расположена бывает к тому, в чем более утруждается. Потому и Бог соединил с добродетелью труды, желая прилепить к ней душу. Потому-то мы удивляемся добродетели, хотя сами ее и не исполняем; а порок порицаем, хотя он, кажется и весьма приятен. Ты спросишь: почему мы не удивляемся людям добрым по природе, а более тем, которые таковы по свободному произволению? Это

потому, что справедливость требует предпочитать трудящегося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому, что ты не хотел вести благоразумно жизнь без трудов. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов. Например, оставим в заключении какого-нибудь человека и станем только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься каким-либо делом; пусть он наслаждается трапезой и ложем и постоянно пресыщается: может ли что быть несчастнее такой жизни? Но иное дело, скажешь, заниматься чем-нибудь, а иное – трудиться; ведь можно же было тогда делать без трудов? Не так ли? Конечно так; этого и Бог хотел, да ты сам не стерпел. Бог повелел тебе возделывать рай, назначив в этом тебе занятие, но, не присоединив к этому никакого труда; а если бы и вначале у человека был труд, то после Бог не возложил бы на него труда в виде наказания. Можно делать и не утруждаться, как то свойственно ангелам.

На Евангелие от Иоанна, 36.2 (т. 8, кн. 1)

Попечение о близких

Блаженный Павел... говорит: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется».

Попечение разумеет всякое – и о душе, и о теле, так как и последнее тоже есть попечение. Тот, кто не печется о своих, «особенно о домашних», то есть, принадлежащих к его роду, «хуже неверного». Это говорит и Исаия, глава пророков: «От единокровного твоего не укрывайся» (Ис. 58.7). Действительно, как может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода и свойственников своих? Не назовут ли все тщеславием то, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадить своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? «И неверного, – говорит, – хуже». Почему? Потому что последний, если и презирает чужих, то, по крайней мере, не презирает близких себе. Сказанное апостолом имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отрекся от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отрекся от веры? «Они говорят, что знают Бога, – говорит, – а делами отрекаются» (Тит. 1.16). Между тем, что заповедует Бог, в которого веруем? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веро-

вать отрицающий это? Подумаем об этом все, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того, и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу.

На 1-е послание к Тимофею, 14.1 (т. 11, кн. 2)

Домашние заботы

Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее – власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее – не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя – страх не малый; умерло преждевременно – плач неутешный; и во всяком возрасте о них различные заботы, и страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг?

К Феодору падшему, 2.5 (т. 1, кн. 1)

Общественная жизнь

Не преданность любомудрию, а не любомудрие погубило и расстроило все. Кто, ска-

жи мне, расстраивает настоящее положение дел, те ли, которые живут воздержно и скромно, или те, которые выдумывают новые и беззаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Те ли, которые имеют толпы слуг и окружают себя роями льстецов, или те, которые считают для себя достаточным только одного слугу предполагаю еще не высокое любомудрие, но доступное многим? Человеколюбивые ли, и кроткие, и не имущие похвалы от народа, или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного, и делают тысячу неприятностей тому, кто не встанет пред ними, не скажет первый приветствия, не поклонится, не выкажет раболепства? Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех, и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезывают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздира-

ют неправедные записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые, не тоже ли в общественной жизни, что опухоли на теле и бурные ветры на море, своею невоздержностью потопляя тех, которые сами по себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности, и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все посылаемые с неба, как-то: засухи, и наводнения, и землетрясение, и разрушения, и потопления городов, и голода, и язвы, и все прочее, что свыше насылается на нас?

Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо; они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекая и возмущая их со всех сторон; для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и ле-

карств и приходящих врачей; так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний; потому что лекарства сами по себе не могут восстановить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их; таковы и есть судии, заставляющие этих больных, волею и неволею, принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла самое искусство врачей и вошла в самих судей; и теперь происходит то же, как если бы кто, страдая горячкою, водянкою и множеством других жесточайших болезней, и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами.

К враждующим, 3 («К верующему отцу»).9–10 (т. 1, кн. 1)

Любовь к ближним

Пусть каждый размыслит с самим собою, как он поступает в отношении к себе; так же пусть поступает и в отношении к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать всё в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостяжания...

Но возможно ли, скажешь, любить ближнего, как себя самого? Если бы этого не исполняли дру-

гие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас не бываете этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного; они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в царство? Никто. Но Павел решался на это за врагов, бросавших в него камнями, бичевавших. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, если мы друзьям не оказываем и малейшей части той любви, какую Павел оказывал врагам? И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией (ср. Исх. 32.32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорит: «Вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они» (2 Цар. 24.17)? – и, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в ветхом завете, то какое прощение получим мы, живущие в новом, и не достигшие даже той меры любви, какой они достигали? Если мы не войдем в царство небесное, «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев» (Мф. 5.20), то как мы войдем в него, если будем иметь меньше их?

«Любите, – говорит (Господь), – врагов ваших», и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мф. 5.44,48). Люби же врага; не ему ты через это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Он, если будет любим тобою, немного приобретет, потому что будет любим подобным себе рабом; а ты, если будешь любить подобного себе раба, то приобретешь много, потому что сделаешься подобным Богу. Видишь ли, что не ему ты благодетельствуешь, а самому себе? Награда уготована не ему, а тебе. Но что, скажешь если он порочен? Тем большая готовится тебе награда; и за самую порочность его ты должен быть благодарен, если он, несмотря на множество благодеяний, остаётся порочным; если бы он не был весьма порочным, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом самый этот повод к нелюбви, возражение, что он порочен, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов.

На послание к евреям, 19.2 (т. 12, кн. 1)

Смерть

«Не хочу, – говорит Павел, – оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие на-

дежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» (1 Фес. 4.13–14). Здесь наперед надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением... И еще: «Мы живущии оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших» (1 Фес. 4.15, церковнославянский перевод). И здесь не сказал «умерших», но во всех трех местах смерть их назвал успением; а о Христе не так, но как? «Ибо, если мы веруем, что Иисус умер». Не сказал: «усоп», но: «умер». Почему же смерть Христову апостол назвал смертию, а нашу успением? Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово: «смерть», чтобы показать действительность Его страданий, а о нас – «успение», чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово: «смерть», а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово: «успение», самым названием и утешая нас и укрепляя благие надежды. Спящий конечно, встанет; а смерть есть не что иное, как продолжительный сон. Не говори м –не, что умерший не слышит, ни говорит, ни видит, ни чувствует; ибо таково же состояние и спящего. Если можно сказать нечто странное, то и душа спящего как бы спит; а у умершего, напротив, бодрствует. Но

умерший, скажешь, гниет и тлеет и превращается в прах и пепел. Что же из этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает этот дом и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются; потому что обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. Так и Бог разрушает наше тело, намереваясь создать его вновь, и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из какого дома, дабы, потом воздвигнув его в лучшем виде, опять ввести в него душу с большею славою. Будем же обращать внимание не на разрушение, а на будущую славу.

Также, если у кого статуя испортилась от ржавчины и от времени, и многие части ее отвалились, то он, разбив ее, бросает в горнило и, тщательно переплавив, делает ее лучшею. И как разрушение такой статуи в горниле не есть уничтожение ее, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда ты увидишь, что тело наше, как бы в горниле, разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом внешнем виде, но ожидай обновления, и этою стороною примера не довольствуйся, но простирайся умом к более важному. Ваятель, ввергая в горнило медное тело, получает оттуда статую не золотую и бессмертную, но делает ее такою же медною, а Бог, ввергая в зем-

лю тело перстное и смертное, возвращает тебе статую золотую и бессмертную; ибо земля, приняв тело смертное и тленное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего внешнего вида возведи помыслы к надежде будущего. А ты, по привычке, при этом скорбишь и плачешь? Но не странно ли, – когда ты отдашь дочь в замужество и муж отправится с нею в далекую страну и там будет жить счастливо, – не считать этого бедствием, так как скорбь разлуки облегчается слухом о их благополучии, а здесь, – когда не человек, не подобный тебе раб, но сам Владыка берет к Себе твоего ближнего, – печалиться и сетовать? Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого; я отвергаю не скорбь, а чрезмерность скорби; скорбь естественна, но скорбь чрезмерная свойственна душе безрассудной, умоисступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодарение Взявшему и, украсив отшедшего, препроводи его к Нему в светлой погребальной одежде. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшего, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Владыка твой плакал о Лазаре, пока-

зав нам меру, правила и пределы скорби, которых преступать не должно. Так и Павел сказал: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды». Скорби, говорит он, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не имеющий надежды на будущую жизнь.

Почему, скажи мне, ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, что положен предел его порокам. Или потому, что он был честный и добрый человек? И о нем надобно радоваться потому, что скоро «восхищен», прежде нежели «злоба не изменила разума его» (Прем. 4.11), и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности, где нельзя опасаться никакой перемены. Или потому, что он был молод? И за то прославь Взявшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Или потому, что он был стар? И за это опять благодари и прославь Взявшего. Постыдись самого вида выноса: псалмопения, молитвы, сонм отцов и такое множество братий – не для того, чтобы ты плакал, скорбел и роптал, но чтобы благодарил Взявшего. Как призываемых к власти многие провожают с почестями, так и верующих отходящих все провожают с великою славою, как призванных к высшей почести. Смерть есть успокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из ближних отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в самого себя, испы-

тай совесть, помысли, что и тебя немного после ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть другого, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, изменись к лучшему. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах. Неверующий видит небо – и покланяется ему, потому что признает его за бога; видит землю – и чтит ее, и прилепляется к чувственным вещам. А мы – не так; но видим небо – и удивляемся Создавшему его; потому что веруем, что оно не бог, а дело Божие; вижу всю тварь – и чрез нее восхожу к Создателю. Неверующий видит богатство – и изумляется, благоговеет: я вижу богатство – и посмеиваюсь; он видит бедность – и скорбит: я вижу бедность – и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе он. Так поступаем и в отношении к смерти: он видит мертвого – и считает мертвым; я смотрю на умершего – и взираю на смерть, как на сон. И как на буквы все мы, и знающие и незнающие грамоту, смотрим одинаковыми глазами, но неодинаковою мыслию; незнающие, видя их, считают простыми буквами, а знающие искусно постигают заключающийся в них смысл; так и в жизни мы смотрим на события одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслию и разумением...

Помысли, к кому отошел умерший, и утешься; он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых; помысли, в какой славе и светлости он восстанет; помысли, что слезами и во-

плями ты не можешь исправить случившегося и крайне повредишь себе... Не имеющий упования тамошнего суда, не имеет никакой надежды, не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о всем настоящем, ни того, что над всем наблюдает божественная правда. А кто не знает и не помышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя, и изгнал из души своей законы, и суды и определения, и вообще все доброе; ибо кто не готовится отдать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и рассудив о невежестве и безумии язычников, с которыми мы сходствуем в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними...

Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение, но и за надежду воскресения, которая может утешить сетующую душу и расположить к благодушию при разлуке с отшедшими, как имеющими воскреснуть и соединиться с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то нужно плакать и сетовать о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью.

О Лазаре, 5.1–3 (т. 1, кн. 2)

Содержание

Духовно-просветительское издание

Святитель Иоанн Златоуст

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ: НАСТАВЛЕНИЯ МИРЯНАМ

Верстка — *А. Буданова*
Оформление — *И. Соколов*

Подписано в печать 01.10.10. Формат 84х108/32.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36.
Тираж 15000 экз. Заказ 319

ООО «Артос-Медиа»
127015, г. Москва, Новодмитровская ул., д.5 А, стр.1
E-mail: info@artos-media.ru

Отпечатано в типографии
Патриаршего издательско-полиграфического центра
141300, М.О., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра.